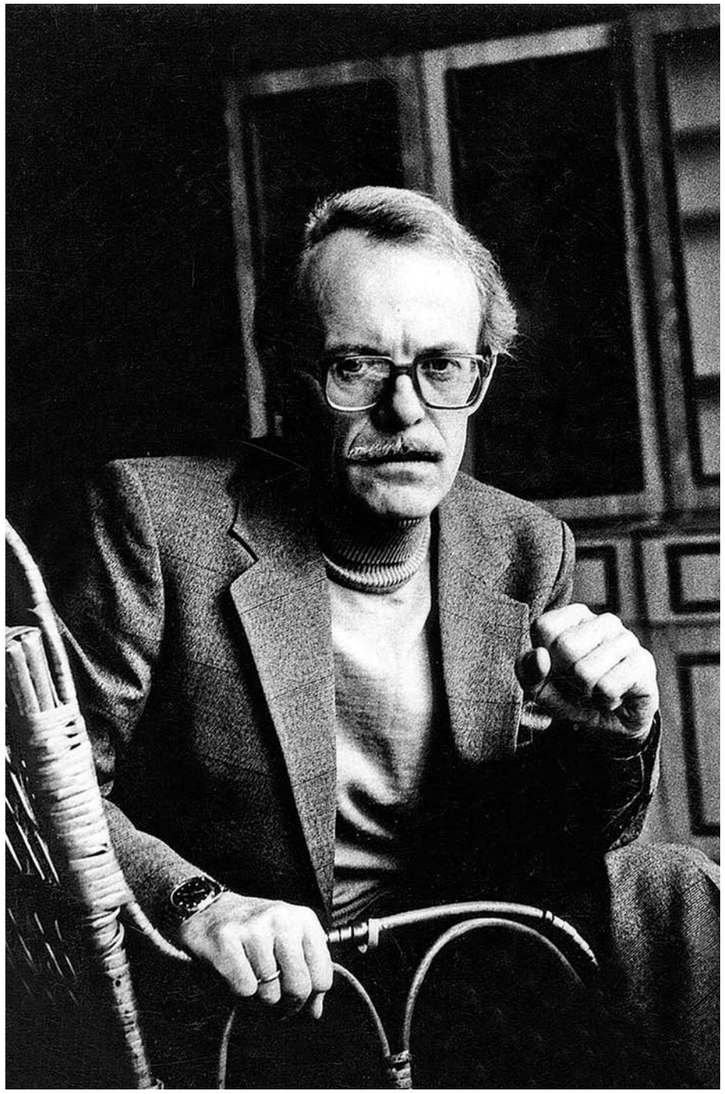

НАШ ЭДИК

текст **Игорь Вощинин**

Среди самарских журналистов есть те, лишь упоминание имени которых вызывает у коллег радость и улыбку. Одним из них был Эдуард Михайлович Кондратов, увы, ушедший от нас десять лет назад 9 ноября 2010 года.

Более полвека жизни Эдуарда Кондратова оказалось связанным с Куйбышевым-Самарой. Родившись в 1933 году в Могилёве, восьмилетний мальчик в июне 41-го оказался в 30 километрах от границы под фашистскими бомбами. Но глава семьи успел посадить жену с двумя сыновьями в поезд, уходящий на Восток. Затем были переезды по стране, а после окончания школы в 1952 году Эдуард поступил в Ленинградский университет. В 1961-м молодой журналист появился в Куйбышеве. Здесь тогда ощущались веяния «хрущёвской оттепели», и на её сквозняке группа молодых людей искала новые принципы и формы общения. Тогда появился легендарный Городской молодёжный клуб ГМК-62. Автору довелось быть в числе его организаторов в роли первого президента Куйбышевского джаз-клуба. Понятно, что Эдуард не мог оставаться в стороне от этих начинаний, здесь мы с ним и познакомились, а затем были в дружеских отношениях.

По характеру Эдик был очень общительным и приветливым, обладал великолепным чувством юмора. Одно время при встрече мы с ним вместо приветствия обменивались фразами «А вот слышал...» и дальше следовал какой-то свежий анекдот. В кругу друзей все его звали просто Эдик, включая и тех, кто был младше. Сам он воспринимал это совершенно нормально, без каких-либо претензий на показушное к себе «уважительство». Хотя и был обременён всевозможными российскими и местными лауреатскими и почётными титулами, включая звания «Заслуженный работник культуры РФ» и «Звезда Самарской губернии в номинации – писатель». На солидных конкурсах отмечались его журналистские работы и книги. Звание «Почётный гражданин городского округа Самара» Эдуард Кондратов получил посмертно в 2011 году, а при жизни стал единственным у нас почётным гражданином города Харрисбурга, столицы американского штата Пенсильвания.

Эдик от природы большой выдумщик, что нередко приводило его к конфликтам со смотрящими и надзирающими. Во время учёбы в ленинградском университете он вместе с двумя однокурсниками был исключён из комсомола за акт, который затем в злобном фельетоне в «Комсомольской правде» был назван «футуристической демонстрацией».

Тогда перед лекцией по русской литературе они появились наряженными в сапоги и рубахи навыпуск, и усевшись на пол, деревянными ложками из общей миски ели квасную тюрю с покрошенным в неё луком, распевая при этом «Лучинушку». Пытавшегося вмешаться комсомольского вожака они увещевали словами: «Ты, отрок, отседова уйди, изыди короче! Не твоего, отрок, ума это дело». В самом хепенинге был усмотрен политический окрас. Как позже выяснилось, демонстрация совпала с 1 декабря, днём памяти Кирова, которого по заявлению парткома университета «убили фашисты, поддерживаемые футуристами». Демонстрантов исключили из комсомола, двоих отчислили из университета. Эдика в студентах оставили лишь как незаменимого форварда и капитана футбольной команды, но перевели с престижного журналистского на факультет филологии. Впрочем, раньше с участием Эдуарда были и другие проделки. Так, в самиздатском журнале «Брынза» он выдавал вирши типа:

Пора, пора, гудок гудит
Скорей иду к заводу.
Дед на завалинке сидит
И пьёт сырую воду.

А уже в Куйбышеве под 7 ноября, когда Эдик был замредактора «Волжского комсомольца», дружеская компания собралась отметить праздник. После тоста за убиенного Николая Романова Эдик под свою гитару на мотив «Крутится, вертится шар голубой» спел:

Тёмная улица, каменный дом.
В каждом квартале райком и обком.
В каждом квартале советская власть
Крутится, вертится, может упасть.

Стукача вычислить не удалось, но уже на другой день Кондратова доставили в КГБ. В ходе допросов Эдик узнал о себе много нового: в доме на улице Степана Разина на него было приличное досье. Напомнили, что он дважды обманул партию коммунистов, вступая в её ряды кандидатом, а затем и членом, скрыв при этом предыдущее исключение из комсомола. Чекисты были убеждены, что он стал слепым орудием в руках коварных, скрытых врагов, при этом назвали даже их фамилии, включая и живущих вне Куйбышева. Последовал строгий партийный выговор и увольнение по статье с переводом в рядовые корректоры.

Об этих случаях я рассказал, только чтобы отметить некоторые индивидуальные черты характера Эдуарда. А его журналистская и писательская судьба была очень богатой, хотя и беспокойной. Для её описания нужны сотни страниц. В 2005 году он написал мемуары, которые с юмором назвал «Я помню всё. Записки счастливого склеротика». Книга была издана для друзей тиражом всего в 250 экземпляров, но на целых 600 страниц – десятилетия были насыщенными. В автографе подаренного мне экземпляра Эдик написал:

Запало в души это время,
Как не стареющее семя.
Оно, годам наперекор,
Проклёвывается до сих пор.

Да, было время, были события. Если в телеграфном стиле, то после «комсомольского» конфликта у Эдуарда была «Волжская коммуна», куйбышевское телевидение, а затем годы работы во второй из главных газет страны, в «Известиях»: Ашхабад, возврат в Куйбышев, Кишинёв и затем уже Самара окончательно. Было много встреч – Эдику везло на встречи с хорошими людьми. Ему это было интересно, он был этим счастлив. И в заголовке мемуаров «склеротик» обозначил себя счастливым потому, что он плохого не помнил: вот такая необычная форма склероза. Видимо поэтому и воспоминания о самом Эдике у всех только хорошие. И сегодня, когда я оказываюсь на углу Ульяновской и Молодогвардейской, то обязательно останавливаюсь у мемориальной доски на фасаде дома, в котором был корпункт «Известий» и где 10 лет Эдик жил. При этом вспоминаю, что Эдик стал моим крёстным отцом в журналистике. В ноябре 1962 года именно по его настоянию я написал свою первую статейку, которую Эдик поместил в «Волжском комсомольце». С неё и стартовало более тысячи моих публикаций и полторы тысячи авторских радиопрограмм.

А кем был Эдик для всех нас, кем был для самого себя? В журналистике он был высоким профессионалом, беспредельно талантливым. Поражали его мастерство подать материал, который иногда и лепить-то было не из чего, а также лёгкий слог, динамичное освещение. Эдик был высоким интеллектуалом, яркой и неординарной личностью. Он отличался коммуникабельностью и его способность устанавливать контакты, адаптироваться в любой ситуации удивляла: ведь ситуации были очень разными и порой требовали принципиальности, остроты и подлинных качеств бойца. Без всего этого не было бы уникального журналиста Кондратова.

Но в визитке Кондратова было только одно слово – «писатель». По собственному признанию Эдуард всегда выдумывал какую-нибудь небывальщину. В предисловии к мемуарам он пишет: «Сочинитель я, придумыватель, и занятие это сочинительское мне и привычно и любо». А своё окончательное возвращение в Куйбышев-Самару он обозначил таким четверостишьем:

Я книги для себя пишу...
Увы, перед собой грешу.
Честнее было бы: «писал»
Я книги не писать устал.

Впервые Кондратов изменил журналистике в 1959 году публикацией в журнале «Юность» очерка «Танина звёздочка». Далее последовал ряд совместных с другом Владимиром Сокольским литературных фантазий – остросюжетный «Золотой мешок», затем «Расплата». Но известность Эдуарду Кондратову принесла самостоятельно написанная повесть «По багровой тропе Эльдорадо», получившая двухсоттысячный тираж с последующими переизданиями, включавшими два зарубежных. Была масса отзывов, в том числе читатель из Магадана написал, что у него теперь стало два любимых писателя: Майн Рид и Эдуард Кондратов. Кто-то просил прислать биографию писателя. Правда, Лариска, семилетняя тогда дочь Эдуарда, узнав о гибели героини повести Апуати, расплакалась и объявила, что такую противную книжку она читать не будет.

А в 1967-м возродился литературный тандем Кондратов-Сокольский и появилась серия очерков «Часовые революции», героями которых были самарские чекисты 1921 года. Позже на основе очерков авторы написали сценарий трёхсерийного телефильма «Тревожные ночи в Самаре». Фильм был снят на куйбышевской студии телевидения и стал всесоюзной сенсацией, а для Куйбышева знаменательным культурным и историческим событием. В восьмидесятых Эдуард вернулся в тот же 21-й и написал большой роман «Жестокий год», продолжив тему борьбы с бандитизмом. В рецензии позже было отмечено, что главным героем книги стала подлинная Самара во всём естестве тех лет.

Представить писательские труды Эдуарда Кондратова сложно – их более тридцати. При этом рядом с прозой всегда присутствовала и поэзия, которую, как мне кажется, Эдик всерьёз не воспринимал, считал хобби. Стихи он вообще писал на ходу, великолепно импровизировал, посвящая строки друзьям и близким, а также моментально откликаясь на какие-то происходящие события. Мне это посчастливилось испытать на себе. Когда после десятилетий занятий журналистикой и в печати и на радио, опять же по требованию Эдика я написал заявление о приёме в Союз журналистов, он оставил за собой право на рекомендацию. Текста её я не видел, но члены правления областной организации Союза были ошарашены, когда по ходу рассмотрения моего заявления зачитанная рекомендация оказалась изложенной в стихотворной форме.

Каждый живущий на земле надеется оставить след. Как-то в разговоре о том, о сём я спросил Эдика, что у него осталось в памяти из недавно сделанного. Ответ был кратким: «Я писал. Яростно писал. Много писал. Надеюсь, чернила истратил не напрасно». Кто бы в этом сомневался?!